

На театральной афише Москвы есть целый ряд спектаклей камерных, поставленных нетрадиционно. Среди них не только премьеры, некоторые спектакли прочно вошли в репертуар и привлекли зрителей.

Статья Бориса Полюровского - своеобразный и очень нужный зрителю путеводитель по камерным сценам.

БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МАЛОЙ СЦЕНЫ

Директор одного из московских театров недавно рассказал мне забавный случай. К нему явился режиссер и предложил поставить спектакль в помещении буфета для зрителей. Свое решение он мотивировал сложностью пьесы и элитарностью будущего спектакля, который вряд ли сможет собирать обычный зал на 800 мест. А в буфете при всем желании больше 60 человек не уместить. В ответ директор предложил избрательному режиссеру использовать для постановки бывший туалет, переделанный в помещение для курения. Там и вовсе при пятнадцати зрителях аншлаг будет обеспечен! При всей курьезности этой истории, что греха таить: мотивы, по которым иные режиссеры подобным образом выбирают будущее сценическое пространство, и в самом

деле неисповедимы... Однако сегодня речь пойдет не о них. Я хочу рассказать о наиболее интересных работах последнего времени, свидетельствующих о поистине неисчерпаемых возможностях камерных залов.

«ПРИ ЧУЖИХ СВЕЧАХ»

Театр имени К.С.Станиславского явно не принадлежит к числу фаворитов нашей пишущей братии. Между тем там появилась работа, о которой известный автор сказал бы: «Не могу молчать!» Да, да - это она - Татьяна Пушкина. Та самая, что много лет провела в Художественном театре, где удивительно умеют сдерживать творческое развитие людей талантливых за счет создания режима наибольшего благоприятствования для тех, кто умеет работать локтями. Впрочем, справедливости ради надо признать, что подобная практика родилась не вчера и не во МХАТе.

Так вот, здесь Виталий Ланской поставил пьесу Надежды Птушкиной «При чужих свечах», где роль Александры Дмитриевны стала по-настоящему «звездной» для Татьяны Пушкиной. Не стану подробно пересказывать сюжет, скажу только, что он полон неожиданных ходов, как и сама жизнь. Любые догадки оказываются несостоятельны-

ми. Эта полужантаслическая история вписывается в современную действительность один к одному. Ибо мы и в самом деле живем в каком-то странном мире, где правда перемешана с ложью, надежда - с отчаянием, добро - с жесткостью.

Рядом с Александринкой - вполне современная девица Алла. Наталья Павленкова справедливо считает, что ее героиня вовсе не злодейка, а обыкновенная женщина, которой хочется немного счастья. И не ее вина, что так вышло. Скорее беда. А может быть, это наша общая беда?..

«СПОКОЙНОЙ НОЧИ, МАМА!»

В Театре имени Н.В.Гоголя тоже без особой помпы выпустили пьесу американки М.Норман «Спокойной ночи, мама!» И снова всего две роли. В данном случае сюжет нельзя назвать непредсказуемым: Джесси почти в самом начале предупреждает мать, что решила сегодня уйти из жизни. Последующие полтора часа они выясняют отношения и заодно детально обсуждают возможные последствия этой акции. Самое удивительное состоит в том, что обе женщины разговаривают о предстоящем самоубийстве так, будто речь идет о третьем лице. Иногда, правда, случаются срывы у Тельмы, но

Джесси спокойно гасит их. И потому мы до самого финала пребываем в неведении. Видимо, к этому стремились режиссер Евгений Красницкий, актрисы Ольга Забара и Галина Щепетнова. Они вовсе не хотели никого пугать. Напротив, пригласили нас к соучастию в их диалоге, где нет ни правых, ни виноватых...

«ЖЕЛЕЗНАЯ ВОЛЯ»

Театр имени М.Н.Ермоловой показал премьеру «Железной воли» Н.Лескова. Спектакль сочинили и сыграли три бывших студента ГИТИСа, ученики Ивана Ивановича Соловьева, сокурсники - Герман Энтин, Владимир Павлов и Юрий Голышев. Им помогли художник Станислав Морозов и музыкальный оформитель Людмила Вейцман.

Энтин и Голышев, помимо театра, давно и успешно выступают на эстраде. Думаю, этот опыт пригодился им сейчас, когда они решили превратить лесковскую прозу в сценическое действие, где каждому из них пришлось сыграть по несколько ролей. И надо прямо сказать, что сделали они это мастерски, почти не прибегая к гриму, главным образом благодаря искусству перевоплощения.

БОЛЬШИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МАЛОЙ СЦЕНЫ

Окончание. Начало на стр. 7

Однако не в обиду им обоим будь сказано, наибольшая неожиданность для меня - работа Владимира Павлова. Нельзя сказать, чтобы актер этот до сих пор оставался вовсе не востребован: у мужчин в театре положение все же лучше, чем у женщин. Я видел его, и не раз, когда он, как говорят в подобных случаях, не портил общего впечатления.

Но в «Железной воле» с Павловым произошло что-то особенное, из ряда вон выходящее. В его инженере Пекторалисе прослеживается необыкновенная последовательность человека, готового в буквальном смысле слова умереть, не поступиться принципами. В наше время всеобщего конформизма, чтобы не сказать беспринципности, подобная позиция воспринимается как особенно дерзкий вызов обществу.

«ОДНА НОЧЬ»

Каждые пять лет, прошедшие после окончания войны, все наши театры отмечали особыми премьерами. Устраивались фестивали и смотры, вручались награды. Нынче все по-другому. Даже в год 50-летия Победы редкие театры обратились к этой теме. Среди них - Российский молодежный. Александр Бородин поставил здесь мало кому ведомую пьесу Евгения Шварца «Одна ночь» - о блокадном Ленинграде, никогда прежде не игравшуюся по цензурным соображениям. Спектакль появился не на основной сцене, не в фойе, не на Малой сцене и даже не на лестнице, как «Береника», а... под сценой, где помещается всего-то человек тридцать, не больше!

Не зная пьесы, я с некоторой долей скепсиса опускался в мрачное подzemелье: к чему все это? Имея прекрасный зал, стоило ли выискивать новое сценическое пространство? Нет ли в этом, простите за грубость, пихонства? Но как только началось действие и мы, актеры и зрители, оказались в одном бомбоубежище, где суждено было всем вместе либо умереть, либо...

Нас утешали тем же несладким чаем, черными сухарями, а под конец даже выдали по 30 граммов настоящей водки - за будущую Победу и в память о тех, кто не доживет до этого светлого праздника.

Премьера в Молодежном театре - один из самых пронзительных, но тихих спектаклей о минувшей войне. При все своей камерности он до того теребит душу, что мы с трудом удерживаем слезы...

Однако «Одна ночь» навела меня и на грустные размышления. Что же такое происходит, если актеры, проработавшие здесь не один десяток лет, раскрываются вдруг едва ли не перед выходом на пенсию!? Да так, что им впору сразу же давать все премии и звания.

Ну, хорошо, Людмила Гнилова когда-то начинала заметно, ее благословила в путь сама Валентина Сперантова. А дальше - тишина...

Но где были все эти годы Наталья Платонова и Наталья Рязанова? Что они делали? Почему на них не обращали внимание режиссеры и в самом театре и вне его стен - в кино, на ТВ? Отчего мы так расточительно небрежны по отношению к таланту? Ведь то, как они сыграли сейчас Марфу и Ольгу Петровну, можно сравнить с лучшими актерскими созданиями последних десятилетий!

«СЕМЬЯ ИВАНОВА»

«Семья Иванова» в Театре им. А.С. Пушкина тоже всегда проходит с аншлагами. Правда, сто зрителей и шесть исполнителей все время на сцене. У рассказа Андрея Платонова, как и у самого автора, печальная судьба. Опубликованный в 1946 году в «Новом мире», он был подвергнут разгрому в «Литературной газете». В.Ермиловым, после чего Платонов оказался фактически вычеркнут из жизни и умер в нищете в 1951 году.

По иронии судьбы он жил по соседству с Камерным театром, который тоже умер не своей смертью, правда, еще раньше, в 1949 году. И вот теперь, спустя много лет, их творческие судьбы соединились на подмостках театра, который прежде именовался Камерным.

Слезу за неледкой послевоенной судьбой семьи капитана Алексея Иванова и его жены Любы, наконец-то дождавшейся возвращения защитника Отечества в родной дом, и ловлю себя на мысли, что где-то рядом витают тени великих - автора, режиссера, актеров... Когда круг поворачивается и мы обнаруживаем темный, пустой зал, отгороженный от нас редкой березовой рошцей, начинает казаться, что там, в ложе, сидит Александр Яковлевич Таиров, в глубине зала устроился Андрей Платонович Платонов, а в кулисах в ожидании своего выхода на сцену притаилась сама Алиса Георгиевна Коонен...

Знаю, знаю, что после закрытия Камерного театра ни она, ни он не переступали его порога, хотя и продолжали жить здесь же, в здании театра. И все же не могу отделаться от мысли, что они находятся где-то рядом. Что они одобряют работу режиссера Юрия Еремина и художника Валерия Фомина. И актеров, конечно, тоже. Может быть, во всем этом проявилось общее стремление создателей спектакля к покаянию делом, поступком? Во всяком случае, их труд заставляет поверить в то, что рукописи и в самом деле не горят. Что Бог правду видит, да не скоро сказывает. Что каждому со временем обязательно воздастся по заслугам - и Таирову, и Платонову, но и Ермилову - тоже. «Никто не забыт, ничто не забыто». Ольга Федоровна Берггольц сказала эти слова, как известно, по другому поводу. Но они как нельзя лучше пригодились и для нашего случая...

«АНЕКДОТЫ»

«Бобок» и «Двадцать минут с ангелом»
в Театре н/р О. Табакова

Скажу честно, на мой взгляд, органичного соединения из этого сложения все же не получилось. Уж больно разный материал. Каждый остался сам по себе - и Достоевский, и Вампилов. Просто их сыграли в один вечер, на одной сцене и даже кое-кто из актеров оказался занят дважды. Правда, оба описанных случая - исключительные, можно даже сказать фантастические, особенно если вспомнить, что действующие лица у Достоевского - покойники. Валерий Фокин обращается к «Бобку» не впервые: совсем недавно в Москве был показан его же спектакль, разыгранный польскими актерами. Да и «20 минут с ангелом» он поставил еще в 1974 году в «Современнике» с тем же О. Табаковым.

Что верно, режиссер предлагает не копию, а в какой-то степени новую версию. Во всяком случае, даже те, кто видел эти постановки прежде, не могут не заметить самостоятельности режиссерского прочтения. Другое дело, стоит ли на сцене раскапывать покойников? Мне почему-то кажется, что при всей сценичности любого произведения Достоевского, «Бобок» как раз меньше всего годится для представления в театре. Еще на литературной эстраде, понимаю, там на помощь все же можно призвать воображение. Но как это сделать в театре, где все предельно конкретно и осязаемо?

Конечно, нетрудно догадаться, что имел в виду Фокин, соединяя сейчас Достоевского с Вампиловым. Вымороочность их героев, разделенных столетием, лишь усиливает общее впечатление. Но все же мне кажется сама по себе идея излишне рациональна, чтобы не сказать надуманна. А играют все замечательно, с каким-то живым азартом, что совсем странно, особенно для «Бобка», где почти все персонажи - мертвецы. Чувствуется, все, что они не успели сделать при жизни, мучает их и по сей день, хотя, казалось бы, чего уж теперь-то суетиться? Ну а героям Вампилова сам Бог велел не сидеть сложа руки, а искать заветную трешку, чтобы поскорее опохмелиться. И здесь много актерских удач. Даже те, кому достались роли всего из нескольких фраз, все равно умудрились придумать что-то эдакое! Например, Наталья Журавлева - коридорная гостиницы «Тайга» Васюта. Ну и фрукт же. скажу я вам, не то что за трешку, за копейку удавит! А вот же и ее пробрало, когда Хомутов поведал свою историю.

Художник Вольдемар Заводзинский из Польши придумал общую установку, используя скромные возможности крохотной сцены, где нет ни карманов, ни колосников. Поэтому его правильное было бы назвать конструктором. Во всяком случае, именно его работа позволяет связать воедино обе части.

Спектакли, о которых я пишу, играют на малых сценах. Или даже на больших, но отгороженных от зала и таким образом превращенных в камерное пространство, где актеры находятся на расстоянии вытянутой от вас руки. Эти постановки позволяют экспериментировать режиссерам, значительно расширяя репертуарные возможности театров. Но главное - они становятся надежным прибежищем для тех актеров, что продолжают с трепетом выходить на подмостки.

Да, в большинстве своем они не баловни судьбы, скорее ее пасынки. Однако, «что наша жизнь - игра? Сегодня - ты, а завтра - я»... - как поется в одной опере. Ведь на самом деле баловнями оказываются единицы. Большинство пребывают в вечном ожидании. Именно для них малые сцены - наибольший шанс, если только они помнят, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается...